

Johann Wolfgang von
GOETHE
1749 – 1832

Иоганн Вольфганг
ГЁТЕ

Фауст

Трагедия

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-6
Г 44

Перевод с немецкого Николая Холодковского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-03751-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012
Издательство АЗБУКА®

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Вас удержишь ли во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чувствует.*

*Вы принесли с собой воспоминанье
Веселых дней и милых теней рой;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.*

*Кому я пел когда-то, вдохновенный,
Тем песнь моя — увя! — уж не слышна...
Кружок друзей рассеян по вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,
Мне самая хвала ее страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив еще, — рассеяны средь мира.*

*И вот воскресло давнее стремленье,
Туда в мир духов, строгий и немой,
И робкое рождается песнопенье,
Стеня, дрожа золовой струной;
В суровом сердце трепет и смиренье,
В очах слеза сменяется слезой;
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Все, что прошло, — возстало, оживилось!..*

ПРОЛОГ В ТЕАТРЕ

Директор, поэт и комик.

Директор

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мнение: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?

Хотел бы публике я угодить на славу:
Она сама живет и жить другим дает.
Подмостки есть; театр готов; забаву
Уж предвкушает радостно народ.
У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе хоть и не новый труд —
Но все ж меня берет невольное сомненье:
Прекрасного они, конечно, не поймут,
Зато начитаны они до пресыщенья.
Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,
Посодержательней — для публики моей!
А ведь приятен вид толпы необозримой,
Когда она вокруг театра наводнит
Всю площадь, и бежит волной неудержимой,
И в двери тесные и рвется, и спешит.
Нет четырех часов, до вечера далеко,
А уж толпа кишит, пустого места нет,
Точь-в-точь голодные пред лавкой хлебопека,
И шею все сломить готовы за билет.
Такие чудеса во власти лишь поэта!
Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай это.

Поэт

Не говори мне о толпе безумной —
Она в нас мысли лучшие гнетет;

Избавь меня от этой давки шумной,
Влекущей мощно в свой водоворот;
Нет, тишины ищущий я, многодумный, —
Лишь там поэту радость расцветет;
Там, только там божественною властью
Любовь и дружба нас ведут ко счастью.
Что в глубине сердечной грудь лелеет,
Что просится на робкие уста —
Удачно ль, нет ли, — выйти чуть посмеет
На свет — его погубит суета!
Нет, лучше пусть годами дума зреет,
Чтоб совершенной стала красота!
Мишурный блеск рождается на мгновенье,
Прекрасному — потомства поклоненье!

К о м и к

Потомство! Вот о чем мне речи надоели!
Что, если б для него — потомства — в самом деле
И я бы перестал смешить честной народ?
Кто ж публику тогда, скажите, развлечет
Веселой шуткою, ей нужной, без сомненья?..
Нет, как хотите, а держусь я мненья,
Что весельчак заслужит свой почет
И что забавник — не лишен значенья.
Кто интересен публике, мой друг,
Тот говорить с толпою может смело;
Увлечь ее — ему пустое дело,
Успех тем легче, чем обширней круг!
Итак, смелей вперед! Вы можете заставить
Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть
На сцену выступить; но не забудьте часть
И шаловливого дурачества прибавить.

Д и р е к т о р

А главное, мой друг, введите приключения!
Глазеть на них — толпе нет выше наслажденья;
Ну, и пускай толпа, разиня рот, глядит...
Причудливую ткань раскиньте перед нею —

И вы упрочили за пьесою свою
Успех — и к вам толпа уже благоволит.

Пусть масса массу привлекает!
Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!
Кто много предложил, тот многим угождает, —
И вот толпа идет, довольная, домой.
Смелее всё в куски мельчайшие крошите —
И этот винегрет успех доставит вам.
Легко вам выдумать, легко представить нам!
Что пользы, если вы им «целое» дадите?
Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

Поэт

И вы не видите, как гнусно и постыдно
Такое ремесло? Иль не художник я?
Дрянных писак пустая пачкотня
У вас вошла уж в правило, как видно.

Директор

Не может нас упрек подобный оскорбить:
Ведь всякий человек, рассудок свой имея,
Берет оружие, какое бьет вернее.
С волками жить — по-волчьи выть!
Кто ваша публика, позвольте вас спросить?
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
Другой, набив живот потуже,
Идет сюда переварить обед,
А третий — что для нас всего, пожалуй, хуже —
Приходит нас судить по толкам из газет.
Для них одно — театр, балы и маскарады:
Лишь любопытством весь народ гоним;
А дамы — те идут показывать наряды:
Чтоб роль играть, не нужно платы им.
О чем вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
Вам хорошо смотреть с надзвездной вышины!
Нет, вы взгляните-ка поближе!
Те грубы, эти холодны!
Один от нас в приют камелий,
Другой в игорный дом идет...

Смешно, когда поэт зовет
Великих муз к ничтожной цели!
Прошу вас об одном: побольше сочинить.
Как можно более: вот в чем мое стремленье!
Запутайте толпу, введите в заблужденье;
Иначе — верьте мне — ей трудно угодить.
Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

П о э т

Иди, других ищи себе рабов:
Мне высшие права природа уделила.
Предам ли на позор высокий дар богов?
Продажна ли певца святая сила?
Чем трогает сердца восторженный поэт?
Какая сила в нем стихиями владеет?
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
Которую, творя, объемлет он весь свет?
Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечет веретеном послушным;
Когда все сущее, сменяясь каждый час,
В нестройный резкий хор сливается вокруг нас, —
Кто звуки мерные в порядке размещает,
Чьей речи верный ритм живителен и тверд?
Кто единичное искусно обобщает,
Объединяя всё в торжественный аккорд?
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
В теченьи строгих дум — зари вечерней свет?
Весны роскошный лучший цвет
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
Кто цену придает незначащим листам,
В прославленный венок вплетая листья эти?
Кто стережет Олимп, кто друг и связь богам?
Мощь человечества, живущая в поэте!

К о м и к

И долг ваш — эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит ловелас предлог для похождения!
Угодно ль, например, любовь изобразить?

Случайно сходятся — взаимное сближенье,
Затем — свидания, надежды, опасенья:
То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,
То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, —
Глядишь — готов роман. И так-то все на свете.
Смелей лишь черпайте из жизни всех людей —
И для задуманной комедии своей
Не будете нуждаться вы в предмете.
Всяк испытал, конечно, чувства эти,
Но редкий знает, сколько в них чудес!
Где ни копните — тут и интерес!
Картина попестрей, поменьше освещенья,
Да искра истины средь мрака заблужденья —
И смотришь, — славное сварили вы питье,
По вкусу каждому: в нем всяк найдет свое.
Цвет юности идет сюда, мечтая,
Что откровенье в пьесе он найдет,
И нежных душ чувствительная стая
Меланхоличной пищи сердцу ждет;
В одном одну мечту, в другом другую будит
Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,
Ручаюсь, вашей пьесой восхищен:
Что в сердце у него, то в пьесе видит он!
Они еще не прочь и плакать, и смеяться,
Возвышенное чтить и блеском восхищаться;
Кто пожил, на того не угодишь ничем,
А тот, кто не созрел, — доволен будет всем!

Поэт

Отдай же годы мне золотые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые,
Не уставая, вечно пел!
В тумане мир передо мною
Скрывался; жадною рукою
Повсюду я цветы срывал
И в каждой почке — чуда ждал.
Я беден был — и все, что надо
Для счастья чистого, имел:

Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты — мне был отрада!..
Отдай мне прежний жар в крови,
Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви,
И мощной ненависти рвенья,
И годы юные мои!

К о м и к

Что юность! Юность вам нужнее,
Когда идете вы на бой,
Когда красавица порой
Сама на вашей виснет шее,
Когда конца своим трудам
Хотите быстро вы добиться,
Когда всю ночь придется вам
Плясать, и петь, и веселиться.
Но чтоб искусною рукой
Играть, восторги возбуждая,
И, ловко там и сям блуждая,
Стремиться к цели подставной,
За это старшие пускай берутся смело:
Тем больше будет вам почета, старики!
Что старость в детство нас приводит — пустяки:
До самой старости мы — дети; вот в чем дело!

Д и р е к т о р

Довольно слов, довольно споров,
И комплиментов, и укоров!
Зачем болтать по пустякам?
Пора за дело взяться нам.
К чему такие затрудненья?
Что вдохновенья долго ждать?
Поэт — властитель вдохновенья:
Он должен им повелевать.
Что нужно нам — мы с вами знаем;
Напиток крепкий мы считаем
За лучший — дайте ж нам его!
Не забывайте ничего:

Что можно сделать неотложно,
Зачем назавтра оставлять?
Должны вы сразу уловлять
Все то, что нужно и возможно,
И уж из рук не выпускать!
Для нашей сцены все пригодно;
На ней — вы полный господин;
Берите сколько вам угодно
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещения,
Зверей и прочего творенья,
Утесов, скал, огня, воды:
Ни в чем не будет вам нужды.
Весь мир на сцену поместите,
Людей и тварей пышный ряд —
И через землю с неба в ад
Вы мерной поступью пройдите!

ПРОЛОГ НА НЕБЕСАХ

Господь, архангелы, потом Мефистофель.

Рафаил

Звуча в гармонии вселенной
И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течет предписанным путем.
И крепнет сила упования
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день созданья,
Твои творенья велики!

Гавриил

И с непонятной быстротою,
Кружась, несется шар земной;
Проходят быстрой чередою
Сиянье дня и мрак ночной;
Бушует море на просторе,
У твердых скал шумит прибой,
Но в беге сфер земля и море
Проходят вечно предо мной.

Михаил

Грозя земле, волнуя воды,
Бушуют бури и шумят,
И грозной цепью сил природы
Весь мир таинственно объят.
Сверкает пламень истребления,
Грохочет гром по небесам,
Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам.

Все трое

И крепнет сила упования
При виде творческой руки:

Творец, как в первый день создания,
Твои творенья велики!

Мефистофель

Опять, о Господи, явился ты меж нас
За справкой о земле — что делается с нею!
Ты с благосклонностью встречал меня не раз —
И вот являюсь я меж челядью твоею.
Прости, не мастер я по части громких слов;
Но если б пышный слог я в ход пустить решился,
Сам рассмеялся б ты — ручаться я готов, —
Когда б от смеха ты давно не отучился.
Мне нечего сказать о солнцах и мирах:
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок земли, всегда во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовет он: свойство это
Он на одно лишь мог употребить —
Чтоб из скотов скотиной быть!
Позвольте мне, хоть этикет здесь строгий,
Сравненьем речь украсить: он на вид,
Ни дать ни взять, — кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть еще в траве сидел бы он уютно.
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

Господь

Ты кончил? С жалобой одною
Являешься ты вечно предо Мною!
Иль на земле добра совсем уж нет?

Мефистофель

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданьи,
Что мучить бедняка и я не в состояньи.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб.

Мефистофель

Но не такой, как все; он служит по-иному;
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;
Как сумасшедший, он рассудком слаб,
Что чувствует и сам среди сомнений;
Всегда в свои мечтанья погружен,
То с неба лучших звезд желает он,
То на земле всех высших наслаждений,
И в нем ничто — ни близкое, ни даль —
Не может утолить грызущую печаль.

Господь

Пока еще умом во мраке он блуждает,
Но истины лучом он будет озарен;
Сажая деревцо, садовник уже знает,
Какой цветок и плод с него получит он.

Мефистофель

Бьюсь об заклад: он будет мой!
Прошу я только позволенья, —
Пойдет немедля он за мной.

Господь

Пока живет он на груди земной,
Тебе на то не будет запрещенья:
Блуждает человек, пока в нем есть стремленья.

Мефистофель

Благодарю: не надо мертвых мне!
От трупов я держуся в стороне.

Нет, дайте мне здорового вполне:
Таких я мертвецам всегда предпочитаю, —
Как кошка с мышью, с ними я играю.

Г о с п о д ь

Тебе позволено: иди,
И завладей его душою,
И, если можешь, поведи
Путем превратным за собою —
И посрамлен да будет сатана!
Знай: чистая душа в своем исканьи смутном
Сознаньем истины полна!

М е ф и с т о ф е л ь

Сознаньем слабым и минутным!
Игра мне эта не страшна,
Не проиграю я заклада;
Но только знайте, если мне
Поддастся он, пусть будет мой вполне:
Триумф победы — вот моя награда!
Пусть вьется он в пыли, как тетушка моя,
Достопочтенная змея!

Г о с п о д ь

Тогда явись ко Мне без колебанья!
К таким, как ты, вражды не ведал Я...
Хитрец среди всех духов отрицанья,
Ты меньше всех был в тягость для Меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя — потому
Дам беспокойного Я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!
А вы, сыны Небес и рая, —
Пусть вечно радует вас красота святая,
И ко всему, что есть и будет вновь,
Пусть проникает вас священная любовь.
И все, что временно, изменчиво, туманно,
Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

Небо закрывается. Архангелы расходятся.

Мефистофель
(один)

Охотно старика я вижу иногда,
Хоть и держу язык; приятно убедиться,
Что даже важные такие господа
Умеют вежливо и с чертом обходиться!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НОЧЬ

Старинная комната с высокими готическими сводами.

Фауст в беспокойной позе сидит у своего стола
на высоком кресле.

Фауст

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор я — уж вот
Тому пошел десятый год;
Учеников и вкривь и вкось
Вожу я за нос на авось —
И вижу все ж, что не дано нам знанья.
Изныла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней разных простаков —
Писак, попов, магистров, докторов, —
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,
Пусть в самый ад спуститься я готов —
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истины ищу,
Зато, когда людей учу,
Их научить, улучшить — не мечтаю!
Притом я нищ: не ведаю, бедняк,
Ни почестей людских, ни разных благ...
Так пес не стал бы жить! Погибли годы!
Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,

Чтоб мне открылись таинства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
О том, чего не ведаю я сам,
Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась —
Не слов пустых набор случайный!

О ясный месяц! Если б ныне,
В ночной печальной тишине,
В последний раз сиял ты мне
В моей тоске, моей кручине!
О, если б мог бродить я там
В твоём сияньи по горам,
Меж духов реять над вершиной,
В тумане плавать над долиной,
Науки праздный чад забыть,
Себя росой твоей омыть!..

Еще ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне
Едва-едва мелькает мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей —
Они лежат и здесь и там,
Добыча пыли, снедь червей;
Реторт и банок целый ряд
В пыли с приборами стоят
На ветхих полках много лет.
И вот твой мир! И вот твой свет!

Еще ль не ясно, почему
Изныла грудь твоя тоской,
И больно сердцу твоему,
И жизни ты не рад порой?
Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,

Ты променял на тлен и хлам,
На символ смерти, на скелет!..

О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю! Нострадам
Чудесной книгою своей
Тебя на путь наставит сам.
К словам природы будь не глух —
И ты узнаешь ход светил,
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу — дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит.
О духи! Здесь вы в тишине
Витаете: ответьте мне!

(Раскрывает книгу и видит знак Макрокосма.)

Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!
Как будто счастье жизни юных дней
Вновь заструилось пламенно по жилам!
Начертан этот знак не Бога ли рукой?
Он душу бурную смиряет,
Он сердце бедное весельем озаряет,
Он таинства природы раскрывает
Пред изумленной душой!
Не бог ли я? Светло и благодатно
Все вокруг меня! Здесь, с дивной глубиной,
Все творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
«В мир духов нам доступен путь,
Но ум твой спит, изнемогая:
О ученик! восстань, купая
В лучах зари земную грудь!»

(Рассматривает изображение.)

Как в целом части все, послушною толпою
Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!
Как силы горние в сосудах золотых

Разносят всюду жизнь божественной рукою
И чудным взмахом крыл лазоревых своих
Витают над землей и в высоте небесной —
И стройно все звучит в гармонии чудесной!
О, чудный вид! Но только вид — увя!
Мне не обнять природы необъятной!
И где же вы, сосцы природы, — вы,
Дарующие жизнь струею благодатной,
Которыми живет и небо, и земля,
К которым рвется так больная грудь моя?
Вы всех питаете, — что ж тщетно жажду я?

*(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит знак
Духа Земли.)*

Вот знак другой. Он чувства мне иные
Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!
Теперь себя я чувствую сильней —
Снесу и горе я, и радости земные.
Как будто бы вином живительным согрет,
Отважно ринусь я в обширный Божий свет;
Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться —
И в час крушенья мне ли утрашиться?

Повсюду мрак и тишина,
Меж туч скрывается луна,
И лампа тихо угасает.
Над головою в вышине
Кровавый луч во мгле сверкает,
И в кровь, стесняя сердце мне,
Холодный ужас проникает.
О дух, ты здесь, ты близок — о, приди!
Как сердце бьется у меня в груди!
Всем существом, души всей мощным зовом
Я порываюсь к чувствам новым!
Явись, явись мне — я всем сердцем твой!
Пусть я умру — явись передо мной!

*(Закрывает книгу и таинственно произносит
заклинание.)*

*Вспыхивает красноватое пламя, в котором
является Дух.)*

Д у х

Кто звал меня?

Ф а у с т
(отворачиваясь)

Ужасное виденье!

Д у х

Я вызван мощным голосом твоим;
К моей ты сфере льнул, ее ты порожденье —
И вот...

Ф а у с т

Увы, твой вид невыносим!

Д у х

Не ты ли сам желал с тоской упорной
Увидеть лик, услышать голос мой?
Склонился я на зов отважный твой —
И вот я здесь! Но что за страх позорный,
Сверхчеловек, тобою овладел?
Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравняться с нами, духами, хотел?
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел
Всей силою души неосторожной?
И что ж? Моим дыханьем обожжен,
Дрожит, в пыли вьется и корчась, он,
Как червь презренный и ничтожный!

Ф а у с т

Во прах перед тобой я не склонюсь челом,
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во всем!

Д у х

В буре деяний, в волнах бытия
Я подымаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рождение —

Вечное море;
Жизнь и движенье
В вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Фауст

Ты целый мир обширный обнимаешь:
О деятельный дух, как близок я тебе!

Дух

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь, —
Не мне!

(Исчезает.)

Фауст

(падая)

Не тебе!
Но кому ж?
Я, образ божества,
Не близок и тебе!

Стучатся в дверь.

Стучатся. Знаю я: помощник это мой!
Погибло все! О смерть, о муки!
Да, он пришел смутить видений чудный рой,
Ничтожный червь сухой науки!

Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, держа лампу в руке. Фауст с неудовольствием отворачивается.

Вагнер

Простите! Что-то вслух читали вы сейчас:
Из греческой трагедии, конечно?
Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:
Ведь декламация в большой цене у нас!
Случалось слышать мне, что может в деле этом
Актер священнику помочь своим советом.

Фауст

Да, если патер ваш актер и сам, —
Как мы нередко видим здесь и там.

Вагнер

Что ж делать? Мы живем всегда в уединеньи;
Едва по праздникам покинешь свой музей,
И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленьи.
Без красноречия — как нам учить людей?

Фауст

Когда в вас чувства нет — все это труд бесцельный;
Нет, из души должна стремиться речь,
Чтоб прелестью правдивой, неподдельной
Сердца людские тронуть и увлечь!
А вы? Сидите да кропайте,
С чужих пиров объедки подбирайте —
И будет пестрый винегрет
Поддельным пламенем согрет.
Когда таков ваш вкус, — пожалуй, этим
Вы угодите дуракам и детям;
Но сердце к сердцу речь не привлечет,
Коль не из сердца ваша речь течет.

Вагнер

Нет, лекций красота дает-таки успех!
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

Фауст

Ищи заслуги честной и бесспорной!
К чему тебе колпак шута позорный?
Когда есть ум и толк в словах у нас,
Речь хороша и без прикрас.
И если то, что говорится, дельно —
Играть словами разве не бесцельно?
Да, ваши речи, с праздным блеском их,
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.
Не так ли ветер осени холодной
Шумит меж листьев мертвых и сухих?

Вагнер

Ах, Боже мой, наука так пространна,
А наша жизнь так коротка!
В критических трудах корплю я неустанно,
И все-таки порой грызет меня тоска.
Как много надо сил душевных, чтоб добраться
До средств лишь, чтоб одни источники найти;
А тут — того гляди — еще на полпути
Придется бедняку и с жизнью расстаться.

Фауст

В пергаменте ль найдем источник мы живой?
Ему ли утолить высокие стремленья?

О нет, в душе своей одной
Найдем мы ключ успокоенья!

Вагнер

Простите: разве мы не с радостью следим
За духом времени, — за много лет пред нами
Как размышлял мудрец и как, в сравненьи с ним,
Чудесно далеко подвинулись мы сами?

Фауст

О да, до самых звезд! Ужасно далеко!
Мой друг, прошедшее постичь не так легко:
Его и смысл, и дух, насколько не забыты, —
Как в книге за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени, — увы! — не что иное,
Как отраженье века временное
В лице писателя: его лишь дух и склад!
От этого в отчаянье порою
Приходишь: хоть беги куда глаза глядят!
Все пыльный хлам да мусор пред тобою,
И рад еще, когда придется прочитать
О важном «действе» с пышным представленьем
И наставительным в конце нравоученьем,
Как раз для кукольной комедии под стать!

Вагнер

А мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,
Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счет.

Фауст

Да; но что значит — знать? Вот в чем все затрудненья!
Кто верным именем младенца наречет?
Где те немногие, кто век свой познавали,
Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,
С безумной смелостью к толпе навстречу шли?
Их распинали, били, жгли...
Однако поздно: нам пора расстаться;
Оставим этот разговор.

Вагнер

А я — хоть навсегда готов бы здесь остаться,
Чтоб только продолжать такой ученый спор!
Ну что ж: хоть завтра, в Пасху, в воскресенье, —
Позвольте вам еще вопрос-другой задать.
Ужасное во мне кипит к наукам рвеньё;
Хоть много знаю я, но все хотел бы знать.

(Уходит.)

Фауст *(один)*

Он все надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых;
Сокровищ ищет он рукою жадной —
И рад, когда червей находит дождевых!..
И как слова его раздаться здесь могли,
Где духи реяли, всего меня волнуя!
Увы! Ничтожнейший из всех сынов земли, —
На этот раз тебя благодарю я!
Ты разлучил меня с отчаяньем моим;
А без тебя я впал бы в исступленье:
Так грозно-велико восстало то виденье,
Что карликом себя я чувствовал пред ним!
К зеркалу истины, сияющей и вечной,

Я, образ божества, приблизиться мечтал,
Казалось, я быть смертным перестал
В сиянии небес и в славе бесконечной;
Превыше ангелов я был в своих мечтах,
Весь мир хотел обнять и, полный упоенья,
Как Бог, хотел вкусить святого наслажденья —
И вот возмездие за дерзкие стремленья:
Я словом громовым повержен был во прах!
О нет, не равен я с тобою,
Тебя я вызвать мог тоскующей душою,
Но удержать тебя я силы не имел:
Так мал я, так велик казался — но жестоко
Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока —
И вновь я человек, — безвестен мой удел!

Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?

Чего бежать? Куда идти?

Увы, себе своими ж мы делами

Преграды ставим на пути!

К высокому, прекрасному стремиться

Житейские дела мешают нам,

И если благ земных нам удалось добиться,

То блага высшие относим мы к мечтам.

Увы, теряем мы средь жизненных волнений

И чувства лучшие, и цвет своих стремлений.

Едва фантазия отважно свой полет

К высокому и вечному направит —

Она себе простора не найдет:

Ее умолкнуть суета заставит.

Забота тайная тяжелою тоской

Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,

И сокрушает нам и счастье, и покой,

Являясь каждый день под новою личиной.

Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;

Пожара, яда мы страшимся в высшей мере;

Пред тем, что не грозит, дрожать обречены,

Еще не потеряв, — уж плачем о потере.

Да, отрезвился я — не равен я богам!

Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!

Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый
Пятою путника, и смятый и зарытый.

Да, я во прахе! Полки по стенам
Меня мучительно стесняют:
Дрянная ветошь, полусгнивший хлам
На них лежат и душу мне терзают.
Все пыльный сор да книги! Что мне в них?
И должен ли прочесть я эти сотни книг,
Чтоб убедиться в том, что в мире все страдало
Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?
Ты, череп, что в углу смеешься надо мной,
Зубами белыми сверкая?
Когда-то, может быть, как я, владелец твой
Блуждал во тьме, рассвета ожидая!
Насмешливо глядит приборов целый строй,
Винты и рычаги, машины в колеса.
Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой
Считал вас... Ключ хитер, но все же двери той
Не отопрет замка, не разрешит вопроса!
При свете дня покрыта тайна мглой,
Природа свой покров не снимет перед нами;
Увы, чего не мог постигнуть ты душой,
Не объяснить тебе винтом и рычагами!
Вот старый инструмент, не нужный мне, торчит:
Когда-то с ним отец мой много повозился;
Вот этот сверток здесь давным-давно лежит
И весь от лампы копотью покрылся.
Ах, лучше бы весь скарб я промотал скорей,
Чем вечно здесь потеть под гнетом мелочей!
Что дал тебе отец в наследное владенье,
Приобрети, чтоб им владеть вполне;
В чем пользы нет — то тягостно вдвойне,
А польза только в том, что даст тебе мгновенье.

Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит,
Влечет меня к себе, блестящий, милый взору,
Так сладко нам, когда нам заблестит
В лесу луна в ночную пору.

Привет тебе, единственный фиал,
Который я беру с благоговеньем!
В тебе готов почтить я с умилением
Весь ум людей, искусства идеал!
Вместилище снов тихих, непробудных,
Источник сил губительных и чудных, —
Служи владыке своему вполне!
Взгляну ли на тебя — смягчается страданье;
Возму ли я тебя — смиряется желанье,
И буря улеглась в душевной глубине.
Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной
И светит новый день в безвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Предо мной эфир
И новый путь в пространствах мирозданья.
Туда готов лететь я — в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!
Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?
Да, решено: оборотись спиною
К земному солнцу, что блестит вдали,
И грозные врата, которых избегает
Со страхом смертный, смело сам открой
И докажи, пожертвовав собой,
Что человек богам не уступает.
Пусть перед тем порогом роковым
Фантазия в испуге замирает;
Пусть целый ад с огнем своим
Вокруг него сверкает и зияет, —
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!

Приди ж ко мне, кристальный мой бокал,
Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!
Как долго ты лежал, презренный и забытый!
На дедовских пирах когда-то ты сверкал,
Гостей суровых веселя беседу,
Когда тебя сосед передавал соседу.
Краса резьбы причудливой твоей,

Обычай толковать в стихах ее значенье
И залпом осушать всю чашу в заключенье —
Напоминают мне попойки юных дней.
Не пировать уж мне, тебя опорожня,
Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!
Хмелен напиток мой, и темен зелья цвет:
Его сготовил я своей рукою,
Его избрал всем сердцем, всей душою, —
В последний раз я пью и с чашей роковой
Приветствую тебя, неведомый рассвет!

(Подносит к губам бокал.)

Звон колоколов и хоровое пение.

Хор ангелов

Христос воскрес!
Тьмой окруженные,
Злом зараженные,
Мир вам, прощенные
Люди, с Небес.

Фауст

О звук божественный! Знакомый сердцу звон
Мне не дает испить напиток истребленья,
Его я узнаю: нам возвещает он
Божественную весть Святого Воскресенья.
В ту ночь, когда с землей сроднились небеса,
Не так ли ангелов звучали голоса
Святым залогом искупленья?

Хор женщин

Щедро мы лили
Миро душистое,
В гроб положили
Тело пречистое;
В ткань плащаницы
Был облечен Христос, —
Кто ж из гробницы
Тело унес?

Хор ангелов

Христос воскрес!
Кто средь мучения,
В тьме искушения
Ищет спасения —
Мир вам с Небес!

Фауст

О звуки сладкие! Зовете мощно вы
Меня из праха — вновь в иные сферы!
Зовите тех, чьи души не черствы,
А я — я слышу весть, но не имею веры!
Меня ли воскресить? Могу ли верить я?
А чудо — веры есть любимое дитя!
Стремиться в горный мир, откуда весть нисходит,
Не смею я; туда пути мне нет...
И все же милый звон, знакомый с юных лет,
Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.
В субботу тихую касалась меня
Небесная любовь святым своим лобзаньем,
И звон колоколов пленял очарованьем,
И вся молитвою пылала грудь моя.
Влекомый силою какой-то непонятой,
Я уходил в леса, бродил в тиши полей,
И за слезой слеза катилась благодатно,
И новый мир вставал в душе моей.
Все, все мне вспомнилось — и юности отвага,
И счастье вольное, краса моей весны...
О нет! Не сделаю я рокового шага:
Воспоминанием все муки смягчены!
О звуки дивные! Гремите ж надо мною!
Я слезы лью, мирюсь я с жизнью земною!

Хор учеников

Гроб покидает Он,
Смерть побеждая;
К небу взлетает Он,
Славой блистая;

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение	5
Пролог в театре	7
Пролог на небесах	14
Часть первая	19
Часть вторая	193

Гёте И.-В.

Г 44 Фауст : трагедия / Иоганн Вольфганг Гёте ; пер. с нем. Н. А. Холодковского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-03751-9

Великий Гёте задумал своего «Фауста», когда ему было немногим больше двадцати лет, а завершил трагедию за несколько месяцев до кончины. Это произведение стало итогом философских и художественных исканий автора — поэта, драматурга, прозаика, крупнейшего ученого своего времени, человека энциклопедических познаний. Герой трагедии доктор Иоганн Фауст жил в первой половине XVI века и слыл магом и чернокнижником, который, отвергнув современную науку и религию, продал душу дьяволу. О Фаусте ходили устные легенды, он был героем театральных представлений, к его образу обращались авторы — Г. Р. Видман, К. Марло, Ф. М. Клингер, Г. Э. Лессинг и другие. Под пером Гёте история о Фаусте, посвященная вечным темам познания жизни и трудности человеческого пути, стала одной из вершин мировой литературы.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-6

Литературно-художественное издание

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ
ФАУСТ

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Алексея Положенцева
Корректоры Алевтина Борисенкова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 01.04.2019.
Формат издания 75 × 100^{1/32}. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 21,15.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaomprk.ru, www.oaompk.rф
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-9966-13-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, pop-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/